

Жуань Чжичжэнь вернулся в уезд Диншань. В этот раз им не нужно было скрываться, и они остановились в усадьбе на западе города.

— Что еще ты успела натворить? — Жуань Чжичжэнь постучал по столу списком медикаментов, изъятых из аптечного склада. Если бы Цяо Сяньнянь был здесь, он бы сразу узнал эти записи: когда, что и в каком количестве было взято, сколько возвращено и каков был фактический расход — все расписано до мельчайших подробностей.

Бай Лин, пойманная с поличным, ничуть не смутилась. Она лишь хихикнула, пытаясь выкрутиться:

— Мы не воровали секреты мастерства. Просто после ухода брата Сяньняня мы по своим способностям искали следы, чтобы узнать, что же такого замечательного он сделал.

Когда они вместе учились медицине у наставника, то часто устраивали друг другу подобные проверки. Жуань Чжичжэнь сделал вид, что сердится:

— И еще оправдываешься!

Увидев, что опасность миновала, Бай Лин довольно улыбнулась:

— Хотя брат Сяньнянь и прибрался в аптечной, я все же кое-что обнаружила. В деревянных ведрах, в котле на плите и в каменных жерновах остался горько-соленый привкус. В жерновах запах был заметно сильнее, видимо, там обрабатывали те же самые лекарства. Все пропавшие ингредиенты вместе взятые не поместились бы в два глиняных горшка. Вероятно, брат Сяньнянь захватил с собой часть ненужных трав, чтобы сбить нас со следа.

Заметив, что Жуань Чжичжэнь слушает внимательно, Бай Лин воодушевилась еще больше, убежденная, что Цяо Сяньнянь создал нечто выдающееся. Жаль только, что старик Чан связан обетом молчания — добиться от него хоть чего-то было невозможно.

— Еще там были неучтенные древесный уголь и зола, не знаю, сколько их ушло. А также отрезали куски от льняной, тонкой хлопковой ткани и натурального шелка.

Жуань Чжичжэнь убрал бумаги и спросил:

— Ты сказала мы, кто еще был с тобой?

— Я и Ду Чжун, — Бай Лин приблизилась к Жуань Чжичжэню и понизила голос: — Так что же все-таки сделал брат Сяньнянь?

— Сядь ровно! — Жуань Чжичжэнь ткнул ее пальцем в лоб и отстранил. — На этом все. Передай Ду Чжуну, чтобы ни слова не разболтал. Я уже отдал распоряжение завтра выезжать в Яоцзин, иди собирайся.

— А как же этот охранник Гао? — Бай Лин не хотела брать его с собой. Хотя поместье маркиза Фуюань пришло в упадок, старый корабль все еще держится на трех тысячах гвоздей — кто знает, где у них расставлены шпионы.

— Отправить на западную границу, — холодно отрезал Жуань Чжичжэнь. Там, если он сам не придет в тюрьму, охранник Гао до конца своих дней не увидит ни души.

Несколько дней назад, проезжая через уезд Диншань вместе с Бай Лин, он заглянул в медицинскую лавку и увидел, как несколько человек умоляют лекарей помочь Цзинь Чэню. Тот был в беспамятстве, явно болен, но доктор Чжан не мог определить причину. Сначала они подумали, что столкнулись с похитителями, использующими странные методы, и Жуань Чжичжэнь отправил старика Чана проследить за ними. Выяснилось, что это люди из секты Юньянь привезли Цзинь Чэня на северную границу, чтобы передать на воспитание Чжэньбэйхоу и Цзинь Юньтину.

Семьи Жуань и Цзинь были старыми друзьями, поэтому он не мог остаться в стороне. Гэн У тайно покинул столицу, и его появление нельзя было афишировать, поэтому под покровом ночи они покинули Диншань. В той усадьбе было слишком много посторонних глаз, и чтобы избежать лишних проблем, он оставил Бай Лин ждать его в лавке. Он и не подозревал, что эта поездка обернется такими событиями.

Жуань Чжичжэнь не знал, кто именно творит беззаконие в лавке Шаншань. Сегодня они не тронули его, а завтра? А что будет с другими? Поэтому он решил задействовать тайную стражу семьи Жуань.

После ухода Бай Лин старик Чан привел подтянутого, жилистого молодого человека:

— Подчиненный Юань Сы приветствует господина.

Время пролетело до праздника Чжунъюань. Как только солнце скрылось за горизонтом, на обочинах дорог стали появляться люди, совершающие подношения духам умерших.

Группа Цяо Сяньнянь выглядела особенно приметно. Повозку, на которой ехали старик Хэ и остальные, разобрали до основания. На ней грудой в полчеловеческого роста лежали благовония, свечи, ритуальные деньги и подношения. По бокам были развешаны красно-зеленые бумажные фигурки, а впереди красовалась бумажная женщина в полный рост.

Зрелище было жутковатым, и прохожие поспешно обходили их стороной. Дядя Тянь, ведя лошадь, про себя радовался, что молодой господин проявил милость и не заставил его жену и невестку выходить из дома.

Найдя более-менее открытое место, Цяо Сяньнянь взял палку, очертил круг на земле и стал шепотом произносить имя матери прежнего владельца тела, госпожи Хэ, и дату ее рождения. Цин Тун и Си Хай были рядом, а Си Цзы вообще вечно появлялся из ниоткуда, так что Цяо Сяньнянь даже не смел говорить громко, боясь, что его услышат.

— В этом году уже не успею, но в следующем, на Цинмин, сожгу вам целый отряд воинов. Тогда же пришлю вам автомобили, виллы и автоматы для маджонга — пусть другие духи не смеют отбирать. А еще, брат Цяо, у меня появился парень, так что не могу позволить тебе

оставаться одиноким псом. Сегодня сожгу тебе бумажную спутницу с таким характером и внешностью, о которой ты мечтал. Как жить дальше — решай сам. Если ты уже нашел пару, считай, что я, брат, оказал медвежью услугу. Сразу прошу прощения у невестки, а эту бумажную фигурку пусть заберет первая одинокая дух-женщина, что придет на угощение.

Подношения для госпожи Хэ и ее сына он сжег внутри круга, а для проходящих мимо заблудших духов — снаружи. Ради этой особой бумажной фигурки Цяо Сяньнянь очертил еще один круг. Не знал, сработает ли это, но он сделал все, что мог.

Время пролетело до августа. В последнее время рацион армии Чжэньбэй стал куда разнообразнее. Пэн Юань, только что закончивший тренировку на плацу, почувствовал, что спина больше не ноет, а ноги не хромают. Схватив тяжелый палаш, он помчался на кухню и среди поваров сразу выделил Яна Цаня:

— Сяо Эр, что сегодня на обед?

— Ты что, в ресторан пришел? Не смей называть меня Сяо Эр! — Ян Цань ловко нарезал пласт тофу на кубики. — Сегодня мапо тофу.

— Опять? А где новое блюдо? Эр Гоуцзы! — За полмесяца меню ни разу не повторилось. Пэн Юань, начавший с ежедневной чашки соевого молока, с любопытством следил, сколько блюд можно приготовить из бобов, которые раньше просто варили. Реальность его не разочаровала: соевое молоко, мука, тофу, жмых, ростки, кожа тофу, сушеный тофу — способов приготовления не счесть, но сегодня блюдо повторилось.

— Еще раз назовешь меня Эр Гоуцзы, буду специально трясти половником, когда твои люди придут обедать! — Ян Цань с грохотом опустил нож на разделочную доску. — Генерал сказал: готовить то, что экономит время, силы и бобы, но при этом вкусно.

Ян Цань был вторым ребенком в семье, и по старой традиции бабушка называла его Гоуцзы, чтобы рос здоровым, отец звал Сяо Эр, а деревенские ребята прозвали Эр Гоуцзы. Он надеялся, что в армии никто не узнает об этих именах, но в первый же день встретил земляка, и вскоре все всё узнали.

Самым экономным было соевое молоко: из десяти цзиней бобов каждое утро выходило несколько чанов, и каждому в лагере доставалось по чашке, но сытости оно не давало. Раньше бобы ели как основное блюдо, и они быстро заканчивались, теперь же из них делали много разных блюд, и бобы экономились, да и всем было вкусно. Но если в основном рационе не хватало бобов, приходилось добавлять что-то другое. Ян Цань очень хотел знать, удастся ли в итоге сэкономить зерно.

— Твоя взяла, Ян Цань! — Пэн Юань признал поражение. Он сам стал десятником, у него в подчинении девять человек. Хотя это меньше, чем у него было охранников в усадьбе, управлять ими оказалось непросто. Если они узнают, что из-за его длинного языка их порции стали меньше, снова начнут косо смотреть.

Вчера ночью он тайком видел, как его дядюшка ел маньтоу с бобовой пастой, которая пахла

куда аппетитнее той, что он ел дома. Разве нельзя просто размолоть бобы и мазать на хлеб? Это же экономит время, силы и бобы, да и вкус наверняка лучше. Почему повара не готовят так для всех? Раньше кухня была самым презируемым местом, куда ссылали слабых и никчемных, а теперь повара стали такими важными людьми. Теперь в лагере нельзя обижать не только военных врачей, но и поваров.

— Завтра ваша очередь делать тофу, не опаздывайте, — Ян Цань высыпал нарезанный тофу в котел, где уже шкварчали имбирь, чеснок и перец, и напомнил: — Если не хотите сорвать тренировку, вставайте на полчаса раньше.

— Тц, я пришел врагов убивать и славу стяжать, а занимаюсь грязной работой, — проворчал Пэн Юань.

— Хм, — фыркнул Ян Цань, — очередь стоит из желающих поработать! Научись делать тофу — вернешься домой, не останешься голодным. Тебе, такому, этого не понять.

— Это какому такому? Я что, у тебя еду воровал? Ян Цань, говори прямо! — Пэн Юань тоже не был ангелом, а Ян Цань с тех пор, как стал поваром, перестал признавать в нем брата, да еще и огрызался.

Ян Цань, увидев, что тот разозлился, растерянно выпрямился:

— Все говорят, ты — избалованный господин, пришел сюда только ради чина и скоро сбежишь домой.

На самом деле за спиной шептались вещи и похуже: мол, он купил должность десятника за деньги, выслуживается, чтобы украсть чужие заслуги, и смотрит на всех свысока.

— Да, я пришел ради золота, и что? Мое золото заработано собственными кулаками и клинком! Кто из вас, мерзавцев, имеет возражения — жду на плацу! — Пэн Юань выставил перед собой меч. — Вы все сбежите домой, а я нет! Я не только вас побью, но и ваших детей и внуков заставлю себя уважать!

— Пэн Юань, зачинщик беспорядков — тридцать ударов плетью.

Толпа замерла, люди поспешно сложили руки в приветственном жесте:

— Приветствуем генерала!

Цзинь Юньтин кивнул:

— Без обороны государство не устоит, без армии народ не будет в безопасности. Вы покинули родные края и вступили в пограничные войска, чтобы защищать землю Великой Яо, своих родителей, жен, детей, братьев и сестер. Где бы вы ни находились, вы должны гордиться этим. Наш император обладает великим талантом и умеет ценить людей. Повышения и понижения, жалованье и наказания — все справедливо. Когда правитель мудр, а подданные честны, когда верхи подадут пример, а низы следуют ему, армия Чжэньбэй становится непоколебимой. Если

хотите добиться успехов и прославить свои семьи, усердно тренируйтесь, добросовестно исполняйте долг и стремитесь к совершенству, чтобы в будущем рубить врагов за пределами северных границ!

— Слушаемся, генерал! — голос прозвучал как удар колокола, сотрясая облака.

Когда Цзинь Юньтин с помощниками удалился, Пэн Юаня увели на наказание. Возле кухни слышались голоса:

— Ты что-нибудь понял?

— Примерно. Сказал — тренируйтесь усердно, убьете варваров — получите чины и богатство.

— А разве мы здесь не на трудовой повинности?

— Хм, это ты — на повинности, а я пришел врагов убивать, страну защищать и прославить свой род.

— А в первый день ты плакал и говорил, что твоя семья взяла чужие деньги, чтобы отправить тебя на верную смерть.

— Я никогда не плакал, не болтай ерунды.

Где бы вы ни находились, вы должны гордиться этим... Ян Цань крепко сжал половник, с силой перемешивая тофу в котле, стиснув зубы, чтобы не заплакать. Усердно тренироваться, исполнять долг, стремиться к совершенству... Он будет готовить так, чтобы все были сыты, и будет тайком тренироваться. Ну и что, что повар? Надеюсь, настанет день, когда и ему придется выйти на поле боя.

<http://bllate.org/book/19132/1879005>